

ПАСЕКА

С.А. Кузнецов

г. Новокузнецк

В моей памяти всплыла одна история, приключившаяся со мной на производственной практике в 1977 году в Горном Алтае. Один из отрядов геологической партии, куда я был направлен, стоял лагерем на левобережье красивейшей реки Кумир на огромной поляне, у которой даже имя собственное было на топокарте – «Огневая». А свое название она получила, видимо, оттого, что весной здесь цветет безбрежное море огоньков (купальница) – поразительно красивых цветов, которые здесь, на Алтае, я увидел впервые в жизни и был просто очарован волшебной их красотой. Очень меткое название, цветок просто горит, светится в руках, огонек, одним словом!

Где-то в середине июня, когда наши геологосъемочные работы уже входили в свой размеренный, выверенный годами ритм проведения полевых исследований, мимо нашего лагеря начал ежедневно проезжать молодой, лет двадцати, долговязый парень на белом симпатичном коньке. В очередной раз, проезжая мимо, мы зазвали его на утренний чай и познакомились. Звали его Борис, Боря, Борька, как он сам нам представился, предлагая свое имя по усмотрению. В армию его не забрали по какой-то уважительной причине, и колхоз, где он работал, дабы помочь этой семье (отца не было), решил доверить Борису небольшую пасеку из 20 ульев. Смотришь, будет и мед, и зарплата. А урожай меда и сбор его гарантировало великолепие и буйство самых разнообразных цветков всех мыслимых расцветок, которых было невероятно много вокруг. Цвело все, даже замшелые древние скалы укрылись ковром разноцветных лишайников.

Пасека находилась от нас километров в пяти-шести вверх по Кумиру. Ульи были завезены еще в начале мая, и новый хозяин начал осваивать непростую работу пасечника и приводить свое хозяйство в порядок. Каждое утро приезжал он сюда на своем коне и под вечер возвращался обратно. А путь-то неблизкий. От нас до поселка Усть-Кумир, как мне помнится, километров 18 будет, плюс до пасеки...

Забавно было смотреть, как он, в очередной раз угостившись чаем, оседлывал свою лошадь. На это зрелище выходил глазеть охочий до шуток весь рабочий люд, находившийся в лагере. Ездил Борька без седла. Подходил он сзади к своему белогривому другу и почти без разбега вскакивал на него, ну прямо как на «коня» в спортзале, что у всех вызывало неописуемый восторг.

Его визиты продолжались недели две, мы привыкли к нему, радушно его привечали, и он, будучи, человеком очень общительным, быстро со всеми перезнакомился.

Однажды, что было необычно, мы увидели его, возвращающегося с пасеки, не вечером, как всегда, а в обед. Выглядел он подавленно и растеряно:

– Медведь улей разорил, переломал все, пчел потоптал, уничтожил семью, а мед, сколько мог, сожрал. Еду в деревню за ответственным представителем колхозного правления, чтобы все это документально оформить, составить Акт о списании. Дело-то серьезное: ульи – колхозная собственность, и стоит каждый не так уж и мало.

На следующий день, проезжая с Борькой мимо нас, Ответственное Лицо молвило «... хана пасеке, если не убить косолапого, сожрет всю».

Это Лицо как в воду глядело. Через неделю медведь разбил еще семь ульев, каждую ночь – по одному. Мы все, искренне жалея Борьку, говорили – да возьми ты ружье, хотя бы из форточки пальни в небо, глядишь и испугается. Отвечал он всегда угрюмо и однозначно, что ружья у него нет, да и боится он, потому и не ночует никогда, наслушавшись от стариков



С.А. Кузнецов в поле

всяких баек про медведей, а пригласить на это дело некого, у всех свои заботы – сенокос, огород, да и все такое, некого, одним словом.

Еще через несколько дней у Борьки осталась половина пасеки. Представитель власти, это Лицо, устав фиксировать потери ульев, взмолился:

– «...Мужики, у вас же оружие есть, убейте этого гада, он же Борьку по миру пустит». Да мы и так понимали, что зарплата нашего друга с каждым днем становится все более и более иллюзорной.

Ну, а мы-то, студенты, разве кого-нибудь боялись, тем более какого-то там косолапого, мы, властелины природы? Ладно, говорим, мы согласны, если начальство разрешит, но ты, Борька, будешь с нами, что привело его в неопишное уныние. Ну а мы гнем свое – как же это мы будем шариться в чужой избе-то без хозяина? Да нет у меня бражки, взмолился Борька, чем уже в свою очередь и нас огорчил. Ну да ладно, раз обещали, пойдем отпрашиваться.

Начальство, геолог Владимир Миронов, удивительно легко согласился на нашу просьбу, будто мы отпрашивались не на всю ночь с оружием, да не против медведя, а так, на часик-полтора грибков пособирать недалече. Ну, мы-то охотники хоть куда, рады-радешеньки от предвкушения чего-то захватывающего, волнующего и неординарного, совершенно не отдавая себе отчет в том, во что мы ввязываемся. Обычная и предсказуемая реакция вполне нормальных балбесов. В итоге: Володе Торбокову, технику-геологу, достался общественный карабин, т.к. он один раз из него стрелял, а мне, студенту, – одностволка – священная частная собственность моего начальника шлихового отряда Николая Удовиченко.

И вышла эта великолепная тройка почему-то поздно, часов в 6-7 вечера, забыв, что ночь в горах не наступает, она стремительно падает, обволакивая сумраком все вокруг. Да, вспомнилась причина. В одном из отрядов нашей партии добыли старого-престарого лося, и на вертолете (были же времена) развезли мясо по всем отрядам. У нас его поставили варить еще днем, но и спустя четыре часа оно было таким же сырым, волокна, как проволока, были не прокусаемы. Так и не дождавшись, когда оно сварится, взяли несколько кусков полусырого и двинулись в путь.

Вот с этого-то момента все и началось.

Войдя по едва угадывающейся тропинке в лес гуськом друг за другом, сразу очутились во власти густых сумерек и незнакомых, уже ночных звуков. Кто хотя бы единожды был в подобной ситуации знает, что это совсем другой мир, нежели ласковый приветливый день, это мир враждебный, и мы здесь уже не хозяева, мы – незваные гости, которые вторглись на чужую территорию, куда нас никто не звал и не приглашал. Разговоры как-то сами по себе стихли, и все внимание было сосредоточено на спине впереди идущего товарища, чтобы либо догнать, либо притормозить и не ткнуться ему лбом в спину, если впереди у него встретится какое-то препятствие.

Первым, как местный житель и знаток тропы, шел Борька. Я шел последним. Высыпали звезды. Тишина прямо-таки давила. И кажется мне, уже давно кажется, не решался как-то сразу сказать, озвучить, что выше по склону, от нас по правую руку кто-то тихо-тихо идет в ту же сторону, явно к нам прислушиваясь. В конце-концов, я об этом тихонько передал по цепочке. Все сразу восприняли это очень серьезно, без шуток и сарказма, обстановка к этому не располагала. Что делать, как убедиться, что это не наваждение от страха? Тогда я предложил всем вдруг резко одновременно остановиться и прислушаться, что мы через некоторое время и сделали. И все отчетливо услышали, как этот кто-то, сделав еще два шага по инерции, тоже остановился. Мурашки по спине посрывали с наших плеч оружие, вложили его в руки и мы ускоренным шагом, почти бегом, двинулись к пасеке, прислушиваясь и опасливо вглядываясь в густые заросли крутого склона горы. Кто это был мы так и не узнали. Но этот кто-то точно был.

– Все, пришли, – с нескрываемым облегчением сказал Борька, указывая рукой на смутно темнеющий невдалеке сруб избушки. Большая поляна. Пасека. Мы, повеселевшие, позволившие себе даже какие-то шутки, толкаясь вошли во двор и направились к крыльцу. Вдруг что-то огромное, черное и стремительное метнулось с середины поляны и, перемахнув полутораметровую изгородь из наложенных друг на друга осиновых жердей, сбив лапами самую верхнюю, ринулось вглубь леса, треща сучьями. И как-то быстро стало тихо, будто притаившийся зверюга знал, что уж ночью-то мы его преследовать точно не станем. Когда спало минутное оцепенение, подумалось: на этот-то раз разбойничьи свои задумки он осуществить не успел? Мы же помешали! Зажгли спички – вокруг разбросанные и переломанные доски очередного улья...

Не мешкая, быстро зашли в избу и заперли дверь на все возможные крючки и засовы.

– Это вы зря, – резюмировал Борька. – Мы его так испугали, драпал, ажник пятки сверкали, больше точно не придет.

Но это как-то не успокаивало.

– Вот моя койка, – продолжал он, – вон еще одна, ну а одному придется спать на полу, да вы не расстраивайтесь, у меня одеяло найдется.

Да куда уж тут, какой там сон. Все крайне возбуждены, шутка-ли, только что медведь от нас сбежал, да и не медведь – медведище! Но ведь где-то же залег зверюга, рядом залег.

И меня вдруг осенило.

– Ты, Борька, оставайся в избушке, запрись только, а мы пойдем на чердак мшанника, вдруг он осмелится прийти, вот тут-то мы его и встретим.

Мшанник – это сруб без окон, довольно теплый, зимой здесь хранят ульи. Борька, я подозреваю, пацифист в душе и немножко не очень смелый, ну запричитал прямо.

– Один на один мне с медведем? Да вы че, это серьезно что ли, как это, а если он вдруг да в окно, а я че, у меня одна кочерга в доме, не ходите...

Ну и дальше в этом же духе. Нас он не убедил. Вышли во двор, нашли наощупь длинную лестницу, которая доставала до открытого чердака мшанника, и быстрее чем в избу вскарапкались на чердак. Красота, сено кругом, тепло, но шуршание слышно за версту. Обзор с чердака отличный. Видна изгородь, которую подпортил медведь, видны слева ручей и опушка леса за ним. Но вот беда, ни одного улья не видно. Как же охранять-то их будем? А

потом сразу успокоила мысль, что мы ведь не охранять их пришли, а по душу чумы лохматой. Слух обострен до предела. Кажется, что слышу топанье муравьев на земле, это с чердака-то! Поворочались еще, громко шурша и устраиваясь поудобней.

Все, угомонились, лежим не шевелимся. Договорились о двух важных вещах. Во-первых, не курить, во вторых – стреляет первым Володя из карабина, следом я – и не наоборот, т.к. моя пуля из одностволки лишь ранит его и он убежит подранком и сколько бед он может натворить после этого, да и в маршруты больше не походишь – опасно, а охотников в округе нет, чтобы успокоить зверя. Все, договорились, карабин стреляет первый. Владимир, совсем недолго еще сонно поморгав, заснул.

Вспомнилось, что перед тем, как нас уговорить на эту охоту, Борька принес ведро медовых сот (хитрец), которые медведь не успел сожрать из очередного разрушенного улья. Так случилось, что именно в это время у меня очень болел зуб, видимо из-за легкой простуды. Анальгин, до шести таблеток сразу, уже не помогал. Ну, нет же такой силы, которая удержала бы от такого искушения, от такого лакомства – мед в сотах! Ел быстро-быстро, чувствуя, что сейчас, сейчас придет «это», надо успеть. Пришло. Дикая зубная боль пронзила насквозь. Все, наелся, а взгляд все еще не отпускал ведро с медовыми сотами, которых было еще так много. Боль осталась и здесь, на чердаке, хоть и не такая острая, но вполне достаточная, чтобы не дать уснуть.

Над слегка поваленной медведем изгородью росла, наверное, столетняя, огромная раскидистая ель. И вдруг на самой ее вершине, казалось, прямо между звезд, резко загорелся шар размером с футбольный мяч. Сиял он ровным матово-белым светом, но не так, как лампочка, не слепил, а как луна – и видно, и не очень ярко. Вот это чудеса, думаю, шаровая молния что ли? Откуда? Грозы нет, небо в звездах. Мелькнула мысль разбудить товарища, но он же начнет шуршать, демаскируя нас и, все-таки, закурит, а курильщик он был заядлый. Прости, дружок, но будить не стану. Пока меня мучали эти сомнения, шар начал медленно гаснуть и уменьшаться в размерах. Еще несколько мгновений и он совсем погас. Что это было, до сих пор не знаю.

А все это время, оказывается, медведь был рядом и не думал уходить, чувствуя свою безнаказанность, к которой он уже довольно быстро привык, и все возрастающее желание постоянно видеть в своем рационе мед, от которого он уже не в силах был отказаться.

Моя борьба с зубной болью и со сном была довольно долгой. Лежал бревнышком, не ворочаясь, тихо-тихо. Неслышно подкралась вторая половина ночи. Эта тонкая и улавливаемая только боковым зрением грань между царствующей еще непроглядной тьмой и медленно приближающимся рассветом ощущалась по смене палитры еле видимых цветовых гамм, более светлые и четкие оттенки постепенно приходили на смену торжествующей недавно ночи с ее бархатно-черными декорациями. Необычайная тишина, не гнетущая, а, скорее, какая-то умиротворенная, обволакивала тяжелые от росы травы, цветы, кроны деревьев, и ни одна ночная птица не осмеливалась нарушить это предутреннее безмолвие.

Вдруг, как гром среди ясного неба, – тихий глуховатый стук камня в ручье. Так бывает, когда на переправе порой на него наступаешь, а он, скользкий от тины, соскальзывает и под водой слегка ударяет другой. Я резко повернул голову в сторону ручья и смутно увидел эту громадину, которая стояла в ручье в пяти метрах от нашей засады и, как мне казалось, а может быть так оно и было, не шевелясь смотрела прямо на меня, в раскрытое окно чердака. Как он подкрался так тихо? Я, стараясь не шуметь, толкаю Володю, он проснулся и сразу все понял. Бесшумно снял предохранитель карабина и прицелился, я тоже. Медведь, что-то заподозрив, начал медленно поворачиваться назад, в сторону опушки леса, пока не осознавая нависшую над ним, в буквальном смысле, опасность.

– Давай, – еле слышно выдохнул я.

Он нажал на курок и в звенящей тишине раздался оглушительный щелчок. Как прыгнул медведь, мы не видели, он просто исчез, растворился в сумраке ночи. Выстрела не было, я, по уговору, тоже не стрелял. Мы оба обескураженно молчали. Он извлек из карабина пат-

рон – осечка! Бывает же такое! Только сейчас в полной мере до нас дошла наша неосознанная до конца мудрость. Если бы я выстрелил, ..., хорошо, что нет.

Ну, все, конец «охоте». Наворочавшись от души в душистой соломе и вдоволь накурившись, мы со спокойной от чего-то совестью сразу уснули, и куда только моя боль делась. Утром поем медку, еще успел подумать я и провалился в какую-то темную бездну...

Проснулись мы одновременно от сильных ударов лап животного в дверь мшанника, пытавшего сорвать амбарный замок, уж больно сильно оттуда доносился запах меда, куда более сильнее, нежели от ульев. Нам зверя не видно, обзор из окна не позволяет. Попытался потихоньку отодвинуть доску в крыше, да куда там. Так затрещала на всю округу, и, конечно же, след нашего Мишки простыл. Немного еще посидев на чердаке и умышленно пошумев, громко разговаривая, с опаской слезли с лестницы и, подбадривая друг друга, помчались к спасительной избе. Стучали долго, Борька все-таки уснул.

Кое-как, настучавшись до боли в пальцах о дверь, разбудили его и, забежав в избу, разгоряченные и взволнованные, начали наперебой делиться впечатлениями, перебивая и не слушая друг друга. И вдруг мой взгляд случайно упал на окошко. В трех-четыре метра от избушки стоял невероятно огромный медведь и слегка покачиваясь, переминаясь с боку на бок на задних лапах, пристально, не отрываясь, смотрел на нас.

Трудно передать, что с нами начало твориться. Истерика какая-то. Борька что-то орал, я кричу Торбокову – стреляем через стекло! Он в ответ тоже орет – давай, осечки не будет. Борька взвился. Стекло! Вы не представляете, что значит привезти из деревни сюда стекло и не разбить его.

– Не стреляйте! – голос сорвался на фальцет.

Пока мы спорили, может быть секунд пять-десять, легкий утренний ветерок одним дуновением смешал в кучу голову, лапы и все остальное, что есть у косолапого, в одну кучу и, причудливо извиваясь, лохматым пушистым ковром заботливо укрыл озябшие за ночь цветы и траву, на которых только что «топталось» чудище. Туман. Но, боже мой, до чего же правдоподобен был этот зверь! Как же позабавилась природа над нами, да и как же она тому-то узнала? Мы, в очередной раз за эту бесконечную ночь, молча и обескураженно смотрели в окно. Все видели этот призрак, все. Больше всех рад был этому туману Борька, стекла-то остались целыми!

Из нашего какого-то полузабытья вернул нас к реальности грохот у самой двери, заставивший нас вздрогнуть и вспомнить, что мы все еще на передовой. Бесстрашие и неумно-наглая настырность зверя не знали границ. Он всю ночь как бы играл с нами в кошки-мышки, и мы были точно не кошкой. Уже не рискуя, осознав, что имеем дело с каким-то дьяволом, выставили в форточку карабин и два раза вздрогнули тайгу.

После этого, минуты через три, осмелились открыть дверь избушки. Зрелище было печальное и крайне вызывающее, как оплеуха наотмашь всем нам. Нате вам, охотнички, получите! Самый ближний улик, совсем рядом с крыльцом, буквально в трех метрах, лежал в руинах. Очередной пчелиный дом был уничтожен. А ведь уже светало!

Пчелы, еще не опасные, сонные и озябшие, лениво и обескураженно копошились в помятой от мокрой утренней росы траве. На Борьку больно было смотреть. Он, окончательно осознав свой неминуемый финансовый крах, чуть не плакал, а может быть и плакал, скрывая от нас слезы воротом старенькой застиранной рубашки.

Через неделю пасеки не стало. Медведя никто не стрелял, некому было.

А Борьку мы больше не видели.

Я всегда с легкой улыбкой и грустью вспоминаю эту нашу «охоту», оставившую неизгладимый след в моей памяти. А как хотелось бы узнать, что же стало с этим пареньком, всегда улыбающимся Борькой, как же сложилась его судьба? Чем-то он крепко зацепил меня – эта нескладная долговязая фигура, его старенькая послушная белогривка и его как бы всегда извиняющийся взгляд, словно говорящий: «...а ничего, все нормально».

Много лет прошло с тех пор, и однажды мне удалось побывать в этих местах моей юности. Прошлое необъяснимо властно тянуло к себе. И вот она, наша пасека. Избенка без присмотра заросла травой, просела, сгорбилась и все так же смотрит своими окнами глазниц на покосившуюся оградку из осиновых жердей и недалекую опушку поредевшего леса, где от нас когда-то прятался грозный хозяин тайги.

Стояла такая же, будто с тех пор и никуда не уходившая, оглушительная тишина, и даже задиристо-неугомонный бродяга-ветер не играл в кронах вековых исполинов.

И лишь огромная старая ель, как вечный страж давно опустевшей поляны, еле слышно поскрипывая, тихонько шелестела своими ветками-иголками, будто пытаюсь вспомнить что-то и поведать мне.

ЗАГАДКА «РЕКИ ДИКИХ СВИНЕЙ»

С.А. Кузнецов

г. Новокузнецк

Так с китайского языка переводится название полиметаллического месторождения «Тетюхе» на Дальнем Востоке в чертах г. Дальнегорска. Здесь, в этом минералогическом рае для коллекционеров, где я был в отпуске с Уваровым Александром Николаевичем, мы встретились с удивительным, по моему представлению, геологическим явлением. Мы с Александром «приставали» к геологам рудника, дескать, что это такое, но они лишь отмахивались и говорили, что это не их дело, у них план по добыче руды, а остальное их не интересует. А маститый местный (г. Кавалерово) геолог, бард и поэт Годунцов Рудольф Титович заявил, что это явление редчайшее, и что он больше такого нигде за всю свою богатую геологическую жизнь не встречал, и что у этих образцов есть даже имя собственное среди геологов – «уродцы».

Я привожу фотографии этих образцов. На снимках, может быть не лучшего качества, видно, что они как бы распилены, срезаны по разным направлениям и смещены относительно своих осей. Причем это наблюдается повсеместно. Что это за тектоника такая, я не могу понять. По плоскостям смещения всегда присутствует кальцит. Более того, я видел образец, сантиметров семь по длинной оси и диаметром 50 мм, который был «разрезан» вдоль и смещен под 40 градусов, спаян, и кристалл, уже крестообразной формы, остался целым и не разрушился. Если учесть, что кварц – это, по сути, хрупкое «стекло», то как это объяснить? Александр как-то шутя проронил фразу – здесь работал какой-то «природный лазер», фразу, которая заставила задуматься. Возможно кто-то наблюдал нечто подобное?

Природа не перестает удивлять и периодически преподносит нам свои загадки, свои

